

модели в рамках сокращения сроков обучения и цикла гуманитарных дисциплин является такая специфическая особенность системы высшего юридического образования в Российской империи, как ярко выраженная и акцентированная практическая подготовка юристов.

Библиографический список

1. Сапрыкин, Д. Л. Образовательный потенциал Российской империи / Д. Л. Сапрыкин. – М. : ИИЕТ РАН, 2009. – 176 с.
2. Сюзор, Г. П. Ко дню 75-летия Императорского Училища Правоведения (1835–1910) / Г. П. Сюзор. – СПб. : Гос. типография, 1910. – 514 с.
3. Захаров, В. В. Эволюция содержания русского юридического образования во второй половине XVIII – начале XX века / В. В. Захаров // Ежегодник российского образовательного законодательства. – Т. 2. – М. : ИНПИ, 2007. – С. 314–347.
4. Кодан, С. В. Образование юношества, предназначенного к частям службы государственной. Государственно-правовая подготовка чиновников в России в 1800–1850-е гг. [Электронный ресурс] / С. В. Кодан // ЧиновникЪ.uara.ru. – Режим доступа: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2005/01/12>. – Дата доступа: 24.06.2015.
5. Общий устав Императорских Российских университетов 1863 г. [Электронный ресурс] / Lib.ru. – Режим доступа: http://lib.ru/TEXTBOOKS/ustaw_18.txt. – Дата доступа: 02.05.2015.
6. Общий устав Императорских Российских университетов 1884 года. – Харьков : Университет. тип., 1911. – 62 с.
7. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1901 год. – М. : Университет. тип., 1902. – 331 с.

УДК 340.12

В. Л. Рожковский
V. L. Rozhkovsky

ПРОБЛЕМА ПРАВА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА THE PROBLEM OF LAW IN THE POSTMODERN ERA

Аннотация. Современное общество находится в состоянии перехода от культуры модерна к постмодерну, по значимости этот период сравнивают с «осевым временем». Основная проблема переходного периода: можно ли считать политико-правовой дискурс модерна, превратившийся в код воспроизводства самого себя, в проявление постмодерна, или это тупик модерна? Полагаем, что «свобода выбора», суть модерна – это способ самозащиты отжившего мира. Постмодерн и

его право возможны лишь при возникновении нового дискурса, «коммуникативного взаимодействия» субъектов.

Summary. Modern society is in a state of transition from a modernistic to a postmodern culture. The importance of this period is compared with the «axial age». The main problem of the transition period: can the political and legal discourse of modernity, turned into a reproduction code of itself, be considered as a manifestation of postmodernism, or is this a dead end of the modernism? We believe that «the freedom of choice», which is the essence of modernity, is a way of self-defense of an obsolete world. Postmodern and its law are only possible when a new discourse and a communicative interaction of subjects appear.

Ключевые слова: классика, модерн, постмодерн, дискурс, свобода выбора, коммуникация.

Keywords: classic, modern, postmodern, discourse, freedom of choice, communication.

Классика, модерн, постмодерн – культурно-историческая периодизация, в основе которой ментальные различия эпох, связанные с местоположением человека в мире, которое он занимает-отводит, переживает, осознает, интерпретирует и пр. Это рамки, по отношению к которым социально-экономические, политико-правовые и культурные феномены выступают как содержание, «означающее» эпох. Каждый из периодов обладает целостностью, связанной не с субординацией дискурсов (сфер общественной жизни), а с ментальностью эпох.

В частности, для *классики* характерно чувство беспомощности и полной зависимости человека от внешних сил, что сказалось на его приоритетах и упованиях. Вместо наслаждения – наказание трудом, религиозные и философские утешения, творение картины мира, в центре которой метафизические начала мироздания – опоры человека в подлунном мире (бог, мировой разум и пр.).

Человек-демиург, трансцендентальный субъект как центр перспективы и источник феноменов мира – суть *модерна*, пропитавшая собой все сферы человеческого присутствия. Такое местоположение рождает иные амбиции. Марксистская праксиология (природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник и, косвенно, творец истории); переоценка всех ценностей и сверхчеловек, воля к власти над жизнью Ф. Ницше; свобода человека как источник права И. Канта; космическое предназначение человека в антропологии начала XX столетия и пр. Если в этот период и имели место завышенные самооценки человека, то они связаны не с местоположением человека в мире (он в центре «второй природы», созданного им окружающего мира), а с иллюзией, что благодаря науке «все под контролем». Хотя наиболее значимые приобретения человека, как правило, явля-

лись эпифеноменами, непреднамеренными результатами человеческой активности и творчества. Так, изгнание из рая («И будешь есть хлеб свой в поте лица своего» (вместо собирательства – возделывание земли)) обернулось возникновением общественных отношений (обмен, классы, власть и пр.).

Постмодерн – новое начинание, самоопределение человека в мире без опор и корней (без привилегированных точек отсчета, трансцендентального объекта и субъекта, без причинного ряда).

Проблема переходной эпохи – «одномерное общество без альтернатив», «симулякр». Это характеристики общества, в котором институты представительной демократии и права превратились в коды воспроизводства и тиражирования одного и того же политико-правового дискурса, утратившего свой первоначальный смысл. То есть речь идет о зависимости человека, на сей раз не от природы и иллюзорных интерпретаций классики, а от непреднамеренных и преднамеренных плодов рук своих – социальных институтов модерна. Это тупики модерна или ростки постмодерна?

Ситуация постмодерна ознаменовала себя сменой парадигм мышления, отказом от логоцентризма и становлением интерсубъективизма как ведущего способа обоснования права. Смысл права больше не выводится из трансцендентального объекта и субъекта, а извлекается из коммуникации субъектов (двух, многих, всех). Для постмодерна вопрос стоит не о праве, а о «*после-праве*». О новой ступеньке в ряду трансформаций: традиции – мораль-религия – право – «*после-право*». Но основная морально-правовая проблема разлома «государство – личность», «человек – власть», «право – произвол» связана не с инерцией мышления, а со злоупотреблениями со стороны институтов модерна возможностями постмодерна, формирующейся информационной цивилизации. Над «второй природой» индустриальной цивилизации формируется «третья природа» (в условиях перехода – форма тотального контроля).

Основной продукт производства эпохи постмодерна: информация, а как эпифеномен – «инфосфера», «ноосфера», кому как угодно. Формируется интеллектуальная среда, пропитывающая, поглощающая и преобразующая «вторую» природу, как в свое время цивилизация модерна реформативировала природный мир и человека в ресурсы, предмет купли-продажи. Сегодня ноосфера – то «место обитания», образ жизни пионеров будущего, завтра – способ жизни большинства.

Мир равен нашим представлениям. Мир – это феномен (мысль и мыслимое), смысл (благодаря Декарту, Канту, Гегелю, Гуссерлю и др. эти идеи стали общим местом). Следовательно, формируя представления, ме-

няя смыслы, мы творим и переустройстваем мир. Предпосылки морально-правовых представлений классики и модерна (объект и субъект) повержены на рубеже веков, не критикой, а техническими средствами и информационными технологиями постмодерна. Средствами, позволившими государству модерна, воздействуя непосредственно на сознание индивида, внушая ему определенные представления, осуществлять тотальный контроль и манипулировать личностью. Важно не то, *что* есть, а *что* и *как* показывают. За показом исчезает сама реальность. Показанное – это и есть реальность.

Какова же роль науки, философии, религии и прочих «форм общественного сознания» в ситуации постмодерна? До Канта считалось, что они прямо или косвенно отражали, объясняли, описывали с разной степенью адекватности объективный природный и социальный мир. В ситуации постмодерна им (или тому, что придет на смену) уготована иная роль. Это способы формирования реальности (инфосферы), которой не противостоит еще какой-либо объективный мир (инфосфера – срез, способ показа, истолкования имеющегося). Ноосфера – это не возрожденный платоновский мир идей, возвышающийся над физическим миром как образец для подражания, а посясторонний природно-общественный строй, упорядоченный, однако, не интересами и волей к власти социальных субъектов (суть модерна), а, как полагают и надеются, разумом, одержимым свободой, справедливостью, достоинством.

Что касается философии права переходного периода, то ей выпала участь консервативного начала: защита интересов доминирующих политических сил на закате модерна. Само наличие философско-правового дискурса скрывает, что «поезд ушел», нет правового, демократического государства с соответствующими правами и свободами граждан, а имеет место симуляция права, свободы и пр. То есть, благодаря литературным баталиям вокруг прав человека и демократии и пр., государство тотального контроля продолжает мыслиться в категориях исчезнувшего общества.

С точки зрения экзистенциально-феноменологической *герменевтики* неклассические правовые теории конца XX столетия, придерживающиеся позиции интерсубъективизма, с их лечением языка, логическим разрешением социальных и правовых проблем посредством интерпретаций можно оценить с трех точек зрения. Во-первых, предлагаемые правовые рецепты – это либо прозрения будущего, осуществимые в условиях зрелой интеллектуально-нравственной среды, либо желательности, которые никогда не осуществимы. Во-вторых, с позиции социально-политического дискурса (Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр и др.) – эти теории, которые, симулируя решения социальных проблем, являются способом защиты одномерного об-

щества и тоталитаризма. Разве замена понятия «отношение» на понятие «коммуникация» превратит субъект-объектные политико-правовые и экономико-социальные отношения общества потребления в субъект-субъектное взаимодействие равных? Преждевременные посевы дают лишь плевелы, не плоды. Наконец, можно счесть предлагаемые «герменевтиками» процедуры, направленные на преобразование социальных отношений модерна изнутри, за процесс формирования ноосферы, пропитки, поглощения и преобразования второй природы разумным началом.

Интерсубъективизм, коммуникативный дискурс – это не синтез позитивного и естественного права, не снятие односторонностей сущего и должного, присущих модерну, а радикальный разрыв с классикой и модерном. Для коммуникативного дискурса отношения масок (профессиональные и социально-ролевые субъект-объектные отношения) и их право – потусторонняя реальность, которая выносится за скобки. Коммуникативный горизонт – это межиндивидуальное (публичное, не приватное) взаимодействие субъектов, в ходе которого может возникнуть новый тип дискурса, его сторон и правил. После-право – дело всех и каждого, а не «представителей, избранников народа», возводящих собственную волю и интересы в закон. К какому направлению можно причислить постмодернистские построения? Ни к позитивизму, ни к естественно-правовому направлению, но они на стороне последних как критиков выросшего из благих побуждений просветителей государства тотального контроля и его «права».

Призвание коммуникативного взаимодействия состоит в том, чтобы вновь оживить экзистенциальную свободу, свободу по отношению к природе и социуму в целом, которая в недавнем прошлом послужила фундаментом модерна, его завоеваний, в том числе основой институтов представительной демократии и права. Разумеется, экзистенциальная свобода – это не акт признания того, что навязывается извне государством или моралью, ее предназначение иное – стоять у истоков коммуникативного *межиндивидуального взаимодействия* и его после-права, дискурса, возможного лишь за пределами политико-правовых отношений модерна.

Парадокс экзистенциальной свободы человека: будучи истоком религии, философии, морали, права, институтов представительной демократии и пр., т. е. наиболее значимых форм человеческой культуры, она ими же и отрицается либо прямо, либо косвенно. Свобода – дар творца, государства; осознанная необходимость; свобода выбора и пр. Косвенное неприятие – претензия порождений, выросших из свободы, на истину в конечной инстанции и на завершение истории. Последнее – евро-американский настрой, отстаиваемый Ф. Факуямой в книге «Конец исто-

рии и последний человек», в которой автор доказывает, что их либеральная демократия и институты – это конечный пункт политико-идеологической эволюции человечества. Тупик модерна – да, но завершение истории – это не что иное, как «скромное обаяние буржуазии».

Имеет ли претензия европейских политико-правовых институтов на универсализм и окончательность какие-либо основания? Вопрос не праздный – последние четверть века весь мир трясет от тиражирования «демократии и права» (распад СССР, Югославии, Ирак, Сирия, «арабская весна», «цветные революции» и пр.).

Если учитывать два аспекта права, то с точки зрения сущности (экзистенциальной свободы как условия права как такового) идея права универсальна для всех времен и народов, но только в этих рамках. С точки же зрения воплощенного права человечеству нечем гордиться, в основе институтов и законов государств «цивилизованных и нецивилизованных» народов лежат интересы политических субъектов, но не свобода. Идея права, вновь бытие в себе, но не для себя. Претензия европейского правопорядка на универсализм – величайшая мистификация XX столетия, западное право (как практика), переродившись в код воспроизводства, рассталось с идеей права. Право и свобода – две стороны одной медали, мысль настолько тривиальна и общеизвестна, что гасит всякое вопрошание, о чем, собственно говоря, идет речь? А речь идет о подмене понятий, термин «свобода» в одном случае означает свободу как условие права; во втором – свободу выбора, обеспеченную европейскими институтами и законами. В первом случае речь о сущности, предпосылке права, во втором – о явлении (результате, региональной норме права), сущностью которого в настоящее время являются политико-правовые интересы привилегированных социальных субъектов, «баловней» модерна. Экзистенциальная свобода человека и политико-экономические интересы как основы права – разве это одна и та же сущность? Иными словами, идея права универсальна, но цивилизованный мир она покинула, а в нецивилизованных странах еще не освоилась.

«Свобода выбора», предмет европейской гордости, некогда, в период формирования институтов представительной демократии, являлась проявлением экзистенциальной свободы, но к середине XX столетия стал очевиден ее новый смысл как ловушки для свободы. В частности, по мнению одного из основателей франкфуртской школы, Г. Маркузе, «свобода» выбора – это способ герметизации одномерного общества, сохранения статус-кво. Вы вольны стать капиталистом или наемным работником, – и частная собственность вне критики; выборы представителей власти не устраняют, а сохраняют власть игосподство; чем шире выбор источников

информации, тем выше зависимость от производителей общественного сознания. Речь идет о консервации социально-политических и экономических устоев и его последствий: рабства (человек – средство) и господства, т. е. о сохранении привилегий тех, чье благополучие связано с институтами модерна. На рубеже веков институты модерна (дискурсы) превратились в симулякры, имитирующие свободу, демократию и право, которых в действительности уже нет (Ж. Бодрийяр). «Свобода выбора» – ловушка и иллюзия свободы, ее границы: то, что предлагается на выбор (Европа или Россия, «твикс» левый или правый и пр.), но выбирай и покупай, принуждение к выбору в рамках дискурса, не обсуждается – это табу, удел!

Резюмируя, следует признать, европейские институты представительной демократии и права, возникшие на волне антропоцентризма, в свое время сыграли позитивную роль: устранили личную зависимость между людьми, присущую традиционному обществу, послужили средством цивилизованного (не на баррикадах) разрешения социальных противоречий модерна между наемным трудом и капиталом. Однако к XX столетию смысл европейских государств и его институтов претерпел радикальные изменения: вместо «ночного сторожа», призванного разрешать классовые противоречия, оно превратилось в монолитную, никому не подконтрольную машину тотального контроля. Этому способствовали следующие обстоятельства: во-первых, исчезли предпосылки, вызвавшие к жизни институты представительной демократии и права (борьба с феодализмом и конфликт труда и капитала); во-вторых, разделение властей как механизм контроля над государством работал до тех пор, пока за ними (ветвями власти) стояли политические силы, опирающиеся на классы и их коренные интересы. Сегодня государству противостоит «электорат», нечто социально-безликое, аморфное, «молчаливое большинство». В-третьих, государство технически обезопасило себя и обрело безграничную власть посредством институтов представительной демократии (выборы, сменяемость, ограничение сроков полномочий и др.), лица меняются, государство неприкосновенно. Г. Маркузе подчеркивал, «свобода выбора» властей не упраздняет власть и господство, а сохраняет и усиливает их, поскольку и то, и другое ушло в тень противоборства лиц. То есть, политика, вопрос о власти снимается с повестки дня. Наконец, современные информационно-идеологические технологии позволяют государству манипулировать общественным сознанием, убеждая «своих и чужих» граждан в том, что в так называемых цивилизованных странах имеет место расцвет демократии и права.

Институты представительной демократии превратились в тупик модерна, код воспроизводства самих себя, в чем заинтересованы только те,

кто на политических подмостках, затейники по части самосохранения. Принуждение к выбору – порождение адептов тотального государства, направлено вовне, рассчитано на внутреннего потребителя. Имеет место «свобода выбора» и все должны играть по этим правилам, цивилизованные же народы выбирают господ, а где-то власть от отца к сыну, по партийной линии и прочее – не порядок (похоже, близорукость политики единообразия осознается и ее инициаторами: лишь на фоне «неправильных» стран евро-американские политические системы демократически-правовые). Но выход найден, не дожидаясь последнего принца, – принудить выбирать половую принадлежность, вовлечь в дискурс весь мир – блестящий ход, обеспечивший на десятилетия кипение страстей и работу институтам представительной «демократии». (Кому нет дела до всего этого, кто пустил все на самотек и пренебрег инициацией – гомофоб и враг «прав человека»). Дело не в ориентации, а в принуждении к дискурсу, вовлеченности в противостояние, благодаря которому гражданам не до «слуг народа». Помимо отвлечения внимания у «свободы выбора» (без разницы пола или лево-правого «твикса») есть и вторая сторона, ставшая очевидной в конце XX столетия и интерпретируемая как ситуация пост-модерна (мир без опор). «Свобода выбора» – это дискурс без контекста и отсылок (пол – за скобками природы и ценностей), значимый сам по себе, в лоне которого зарождается великое «оно» будущего. Однако «врагу прав человека» трудно счесть подобный дискурс за торжество разума и пост-модернистское преобразование второй природы, это скорее агония модерна. Свобода выбора была дискурсом, когда формировались социальные институты и субъекты модерна, но она, как суть экономико-социального и политико-правового дискурса, выродилась в код тиражирования человека без лица: производитель – потребитель; электорат – некто из «Замка» Франца Кафки; наконец, «оно» – надежда всего человечества.

Дискурс как новое местоположение человека в мире – это не коды воспроизводства окаменевших «дискурсов» модерна. На статус дискурса, соразмерного постмодерну как новому начинанию, может претендовать лишь такое коммуникативное взаимодействие, в рамках которого происходит перекодировка ткани первой и второй природы, т. е. рождение третьей природы, новой среды обитания.